Не надо винить магнитогорца в том, что он не запомнил ни одной фамилии и не старин всеродется ви мож о ин тежом рассказать. Они, в самом деле, все похожи друг на друга и могут быть различаемы разве только по жанру. О каждом из янх возвещают огромные афиши, непременно налючатанные красной и синей красками и обязательно с расположенными узором фотографиями, на которых гастролер изображен в самых что ни на есть завлекательных позах. Выступают они сегодня в театре, завтра -- в цирке, сегодня в клубе, завтра — в кино, словом, всюду, где предприимчивый их администратор сумел подещевле заполучить помещение.

За последние годы в Магнитогорске не выступал ни один серьезный певец, ви один ажтер с крупным именем, ни один выдающийся музыкант. Я уже не говорю о хорошем театральном или музыкальном коллективе.

Надо сказать, что Магнитогорск в этом смысле не находится в исключительном положении.

Вот Барнаул — город, в котором живет армия текстильщиц, город крупнейших предприятий и гигантского строительства. За многие годы театр приехал сюда на гастроли только один раз, это был Днепропетровский украинский театр, который «прошел» эдесь с большим материальным успехом.

Вот Бийск — бурно растущий город больших заводов. Туда даже краевая филармония не решалась никого посылать — невыгодно. О московских артистах жители города и не мечтали. Но однажды в Бийск приехала группа артистов театра Вахтангова во главе с А. Абрикосовым. На спектаклях было много зрителей, и поездка полностью окупилась.

Вот Челябинск — один из крупнейших промышленных центров страны. За последнее время сюда приезжал скрипач Б. Гольдштейн, певица Сахарова, пианист Мержанов, артисты эстрады Шуров и Рыкунин. Для Челябинска это крайне мало. Но может ли Челябинск «поднять» большой коллектив? Приехал в Челябинск хоримени Пятницкого — сто восемьдесят человек. Из близлежащих промышленных районов, из отдаленных колхозов на поездах и автомашинах ехали эрители. Билеты были раскуплены все до единого, и поездка цомностьм окупилась.

Гастролеры ездят по дорогам, проложенным много десятилетий тому назад. Все другие маршруты кажутся организаторам гастролей нерентабельными. Планирует и организует гастроли Гастрольбюро при ГУМУ Комитета по делам искусств. Создается внечатление, что работники Гастрольбюро знакомы с Советским Союзом по дореволюционным учебникам географивили, в лучшем случае, по обстоятельному труду Семенова-Тяншанското «Россия», вышедшего, как известно, в самом начале нашего века.

Для них до сих пор еще Челябинск — захудалый городицию на речушке Миасс, Барнаул — городок, знаменитый купеческими кутежами и крупными сделками хлеботорговцев, в Бийске существуют только кустарные маслобойные заводики, а Магнитогорска вообще нет.

Печально, что из-за косности Гастрольбюро крупные промышленные центры посажены на голодный театральный паек, но так или иначе, в Магнитогорске кроме цирка и драматического театра зрелищных предприятий нет. Для такого большого города этото очень мало. И тем более странно, что драматический театр пустует. Попробуем разобраться в причинах этого.

Куда приводят легкие нути

С первого января 1951 года по первое мая 1952 года театр выпустил шестнадцать спектаклей. За шестнадцать месяцев это много. Из двенадцати пьес, поставленных в 1951 году, одна пьеса — «Директор» — быстро сошла с репертуара, так как не имела никакого успеха, а шесть пьес были сняты. Среди них — скверная инсценировка Рубинштейна «Воскресения» Л. Толстого, иноценировка «Угрюм-реки», превратившая значительный роман В. Шишкова в авантюрно-бульварное произведение, плохая пьеса Поташова «За здоровье молодых», «Потерянный дом» Михалкова.

Каждый театр может опшибиться в выборе пьесы, но когда из двенадцати пьес театр ошибается в шести, это нельзя считать случайной ошибкой и приходится думать о порочной репертуарной линии.

Только с 1946 по 1951 год, то есть за пять лет, в театре сменилось двеналцать директоров. Среди них были люди, не имеющие к театру ни малейшего отношения и посаженные на эту должность только из-

за полной невозможности использовать их на другой работе. Были люди, желавшие что-то сделать, но не умевшие. Были люди, смотревшие на пребывание в Магнитогорске, как на неприятное недоразумение и с нетерпением ждавшие момента, когда можно будет уложить чемодан.

В 1950 году в театре был пожар. Сгорели склады и сцена, архивы и отчетность за прошлые годы. После восстановления пришлось начинать жизнь заново. За театром была большая задолженность, кредиторы арестовали счет, не было денег на новые постановки. Надо было заново создавать репертуар. Театр избрал путь, казавшийся наиболее легким. Выбирались пьесы по принципу так называемой «кассовости». Иначе не объяснишь, почему театр подряд ставил «Угрюм-реку», «За здоровье молодых» и рубинштейновскую инсценировку «Воскресения».

Вскоре после восстановления в театр был назначен новый главный режиссер П. Б. Харлип. В первый период его работы в выборе репертуара ощущается растерянность перед действительно серьезным и трудным положением. Руководство пошло по линии наименьшего сопротивления и попыталось так называемыми «коммерческими» спектаклями спешно выправить материальное положение.

Установка на кассу ничего не дала театру. Год назад за театром было семьсот дваддать пять тысяч долгу. Однако не только материальные трудности определяли бедственное положение театра. Театр перестал пользоваться авторитетом в городе. Чисто коммерческие цели театра были ясны всем, и это вызывало несерьезное, даже несколько пренебрежительное к нему отношение. Потеря авторитета сказывается во многих фактах, каждый из которых сам по себе, возможно, не так уж значителен, но которые все вместе создают вокруг театра тяжелую атмосферу.

Выпуск нового спектакля не был событием в городской жизни. Руководящие работники комбината посещали театр только гогда, когда в нем проводилось совещание. Хороша или плоха пьеса, хорошо или плохо поставил ее режиссер, хорошо или плохо играли актеры, — все это волновало только театральный коллектив. Театр стал каким-то посторонним телом в многообразном и сложном городском организме. Это совдало для театра и дополнительные ма-

териальные трудности. Поскольку работа театра воспринималась как его «частное» дело, ковяйственные организации города и комбината не только не считали себя обязанными помогать ему, во даже удивлялись, если театр обращался с просьбой о помощи. Вопрос о двух-трех кубометрах теса для новой постановки вырастал в проблему почти не разрешимую.

Только ли один театр был виноват в создавшемся положении?

Театр взял неправильный фепертуарный курс. Но разве имели право городские областные организации устраниться, занять позицию неэмешательства в театральные дела? Разве театр не утверждал всякую намеченную к постановке пьесу в городских и областных организациях? Разве не должны были товарищи, призванные руководить культурной жизнью города, своевременно заметить ошибку и указать на нее директору и главному режиссеру? А если ошибка уже совершена, разве не обязаны были они разделить ответственность и совместно подумать о том, как ее исправить? Разве руководителям комбината безразлично, хорош или плох спектакль, который будут смотреть главным образом рабочие, инженеры и служащие комбината?

Наконец в Челябинске существует Областной отдел по делам искусств. В течение четырех лет заведует этим отделом тов. Ларин. За все это время он только два или три раза был в Магнитогорске, каждый раз по одному дню. Он не видел подавляющего большинства спектаклей, ни разу не говорил с труппой, ни разу не высказался о постановке той или иной пьесы. В ведении Областного отдела искусств находятся только два городских театра — Магнитогорский и Златоустинский. Позволительно спросить тов. Ларина: если он за четыре года смог уделить Магнитогорскому театру только два или три дня, на что же он истратил все остальные свои рабочие яни?

Руководство театра, взяв неправильную репертуарную линию, совершило большую ошибку и поставило театр в трудное положение. Руководящие работники города и области, вместо того чтобы помочь театру, поставить его на верный путь, самоустранились и равнодушно смотрели, как театр все дальше и дальше заходит в тупик. Таково было положение в конце 1951 года.